

Экономическая теория

Михаил ДОВБЕНКО

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ
НАЧАЛА XXI ВЕКА:
КРИЗИС ИЛИ РАЗВИТИЕ?**

Резюме

В последние десятилетия значительно расширился спектр оценок состояния современной экономической науки – от безусловно оптимистичного до крайне пессимистичного. Все чаще звучат слова об упадке, кризисе экономической науки, ее «раковом заболевании», «жертве формализма» и т. д. Интеллектуальное сообщество охватывает ощущение безнадежности. А что происходит на самом деле?

Сдержанный оптимизм в оценке развития экономической мысли демонстрирует автор статьи. Его аргументы построены на результатах новаторских исследований экономистов-нобелиантов. И хотя талантливый шведский изобретатель Альфред Нобель не положил начало Нобелевской премии по экономике, однако ее инициирование группой шведских ученых и банкиров оказалось более чем удачным экспериментом по развитию его идей (в этом году отмечаем 40-летие ее вручения). Поэтому осмысление этого феномена побуждает к важным изменениям в экономической науке вообще и в экономической теории как ее фундаментальной составляющей в частности.

© Михаил Довбенко, 2010.

Довбенко Михаил, докт. экон. наук, Институт открытой политики, г. Киев, Украина.

Ключевые слова

Современная экономическая наука, кризис экономической науки, круг приобретенных знаний, экономическая нобелелогия.

Классификация по JEL: B00, F02.

На стыке XX и XXI веков все активнее звучат различные, часто противоречивые оценки состояния экономической науки. В частности, почетный профессор Принстонского университета Вильям Баумоль убежден, что «наша область [экономической] науки живет и процветает, она готова стартовать в двадцать первый век» [1]. В то же время известный американский экономист и историк экономической мысли Роберт Хайлбронер считает: «Вклад современной экономической науки в расширение наших знаний о социальных процессах не просто разочаровывает, он явно беден по сравнению с тем, что было сделано Адамом Смитом, Джоном Стюартом Миллем, Карлом Марксом, Торстейном Вебленом, Альфредом Маршаллом, Джоном Мейнардом Кейнсом или Йозефом Шумпетером. Если судить о современной экономической теории по ее философскому и историческому содержанию, мы будем вынуждены определить ей место на задворках, а не в зените ее истории» [2]. Российский ученый-экономист Евгений Балацкий, анализируя закономерности развития экономической науки, отмечает, что «более ранние труды экономистов характеризовались высшей сбалансированностью. Наверно, по мере развития экономической науки в ее недрах начали нарастать центробежные силы, которые разрывают единое экономическое знание на отдельные фрагменты ... такое состояние дел можно квалифицировать как начало кризиса» [3].

В разных экономико-теоретических центрах звучат еще более категоричные оценки. Так, ученый из Кембриджского университета (Великобритания) Тони Лоусон считает, что «экономическая теория претерпевает серьезный кризис в объяснении событий, происходящих в реальном мире, и в осуществлении анализа, пригодного для экономической политики» [4]. Некоторые ученые из Московского государственного университета убеждают, что «кризис всей системы современной экономической мысли, которую широко признают на Западе, в том, что ни одна нынешняя теория не в состоянии охватить и объяснить совокупную хозяйственную действительность» [5]. В своем совместном труде, опубликованном Гарвардским университетом, Роберт Хайлбронер и Вильям Милберг связывают кризис современной экономической теории с отсутствием широко используемого на-

бора политических и социальных принципов, которыми характеризовали макроэкономику прошлых лет [6].

Интересную аргументацию по поводу «глубокого и затяжного кризиса современной экономической теории» приводит российский академик Виталий Полтерович: «Кризис обнаруживает себя не только в том, что теоретическая экономика не сумела найти эффективные решения насущных проблем экономической политики, в частности, в странах, где продолжаются реформы, но и глубинным, внутренним для теории образом: происходит накопление теоретических фактов, что свидетельствует о принципиальной ограниченности ее методов» [7]. К сожалению, такая категоричность суждений ученых не всегда усиливает важность их аргументов. Более того, упомянутый В. Полтерович впечатляет своей открытостью, заявляя: «...Я не вижу ясных путей выхода из кризиса» [8]. Продолжением этого утверждения является вывод известного профессора Хартфордширского университета (Великобритания) Джеффри Ходжсона: «Нынешнее состояние экономической теории можно было бы назвать фарсовым, не будь оно настолько трагическим» [9].

Можно было бы не реагировать на такие высказывания, понимая, что путем плюрализма мыслей только и должна развиваться наука. Однако при отсутствии реакции на критику следуют... абсурдные обвинения в адрес экономической науки. Например, Николай Руденко убеждает, что даже «упадок Аргентины объясняется общим несовершенством современной экономической науки» [10]. В этом случае молчать нельзя. На самом деле, Аргентина в течение 1990-х лет несколько раз объявляла дефолт. Однако известно, что за последние 30 лет объявляли дефолт по облигациям и банковским долгам свыше 70 стран мира. Но возникает вопрос: почему общее несовершенство современной экономической науки стало причиной упадка именно Аргентины? Разве дефолты в Сальвадоре (1981–1996 гг.) или в Венесуэле (1995–1997 гг.) были не такими болезненными? Или, например, на Соломоновых островах (1995–1997 гг.) и в России (1998 г.) изучали разные экономические теории? А может, потому, что в Анголе (1992–1997 гг.) их вообще не изучали, а в Хорватии (1993–1996 гг.) уделяли им слишком много внимания?!

Во-первых, даже не нужно быть специалистом-интеллектуалом, чтобы понять, что дефолт преимущественно означает форму просрочки платежей по банковским кредитам. И, конечно, проблему нарушения первичных обязательств устраняли с помощью обмена облигаций на новые или досрочного выкупа долга. Во-вторых, экономические системы преобладающего большинства стран мира функционируют не в соответствии с логикой рынка, а как комбинация рынка, организации, сетей и администрирования, которые по-разному сочетаются в конкретных географических и исторических условиях. Следовательно, неправильные действия, как и незнание некоторыми должностными лицами этих стран основ экономической науки, не стоит прикрывать ее несовершенством.

Даже исповедуя критическое отношение к отдельным теоретическим положениям современной экономической науки, нельзя согласиться с ее отрицательными оценками, ведь реалии жизни изменяются, мир усложняется, а знания каждые несколько лет удваиваются. Цивилизационный прогресс характеризует не только глобализация, но и дезинтеграция. Наступает технотронная эра, в которой формируется новая экономика – экономика динамических знаний с ее наиболее востребованным товаром – информацией. Предыдущая экономическая система больше не может функционировать по тем положениям, согласно которым действовала в течение почти 500 лет со времени своего появления. Обычная для нее система знаний уже не в состоянии ни объяснить сущность многих радикальных трансформаций, ни предусмотреть ход и последствия их дальнейшего течения. Многие люди, в том числе и отдельные ученые, паникуют, считая такую ситуацию глобальным кризисом и глубоким кризисом науки, в частности.

Вместе с тем, следует: а) помнить, что динамика цивилизационных и экономических перемен существовала всегда, и в каждую переходную эпоху появлялись кризисные настроения; б) осознать, что в указанной многоликой мировой системе феноменов всегда пропадают уже изученные взаимосвязи и взаимозависимости и постоянно появляются неизвестные, возникают совсем новые экономические законы, концепции, гипотезы.

Осознание этого основывается на фундаментальном понимании действительности. В ходе неповторимого процесса познания мира человечество формирует круг приобретенных знаний (см. рис. 1). В то же время вне этого круга остается целый ряд вопросов с неизвестными ответами (???...). С непрерывным и неодинаковым по направленности накоплением знания распространяется также горизонт незнания ($\infty, \infty, \infty, \infty \dots$). Путь этот ведет в бесконечность (поскольку движение вечно), однако человечество все равно идет по нему, потому что существует особая радость встретить очередную идею или представление, улучшить жизнь граждан.

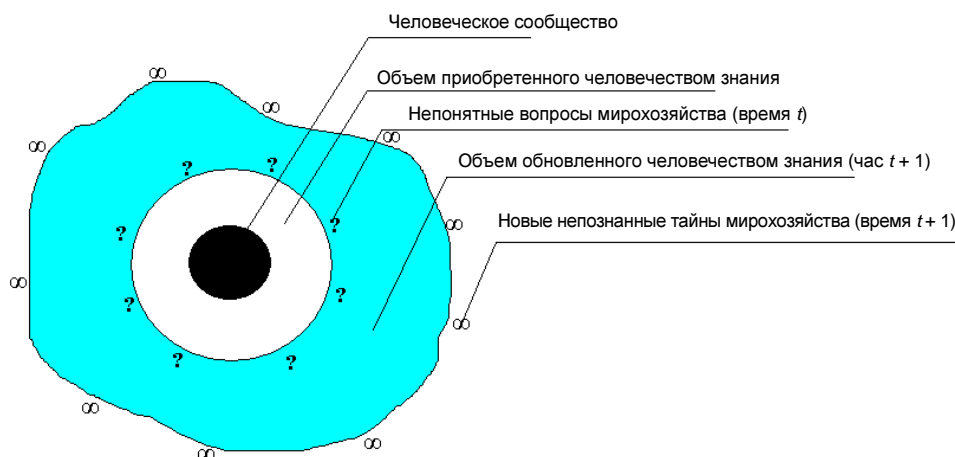
Перед этим объективным процессом никто не может устоять, его необходимо понимать. Даже под влиянием все проникающей неопределенности мы должны понять, что это не кризис системы знаний. Поэтому нельзя согласиться с мыслью российского ученого, докт. экон. наук В. Куликова о том, что «среди прочего, взгляд на проблему экономического развития и, в частности, на общую картину мира, в котором мы живем, не дает ответа на множество вопросов. Следовательно, наша наука находится в кризисе» [11].

Благодаря неудержимой изменчивости природы, в т. ч. вследствие хозяйственной деятельности, неисчерпаемый процесс ее познания всегда будет перманентной потребностью человечества. Как и рывок в непознанное и далее будет сущностью исследовательской деятельности, а наука постоянно будет сталкиваться с новыми обстоятельствами, требующими нетрадиционных подходов и методов. Двигаясь таким путем, следует использовать сам процесс познания во благо людей. Даже учитывая то, что

большинство сегодняшних природных закономерностей и социальных институтов будут существовать и завтра, вряд ли можно полностью предвидеть и надлежащим образом оценить колоссальные трансформации в производстве и производственных отношениях. Поэтому каждый раз экономическая мысль должна обнаруживать новации, исследовать и формулировать их. Простая экстраполяция прошлых тенденций является в высшей степени неуместной. Как и изменчивость экономической среды ведет к тому, что возможности прогнозирования оказываются ограниченными.

Рисунок 1.

Расширяющийся круг накопления знаний

Экономическая теория, по своей сущности, – это система экономического знания. Во-первых, система открытая, неуравновешенная, многогранная; во-вторых, такого неоднородного знания, являющегося не абсолютной истиной, а динамической сущностью, то есть возможным знанием. Его продуцирование – бесконечный процесс (см. рис. 1). Мысль же не остановить. А поскольку знание никогда не бывает и не может быть стационарным состоянием, то экономическая теория не может претерпеть системный кризис, или «кризис всей системы современной экономической мысли». Расширение сферы влияния экономического знания путем появления новых теоретических конструкций вынуждает это знание приспособиться к новым требованиям, чтобы поддержать порядок в интеллектуальном пространстве (круге накопления знаний), который все время изменяет

свои границы. То есть, происходит эволюция – естественный процесс развития продуктивного знания.

Этот процесс может иметь две формы развития: *прогрессивную* (О. Худокормов называет ее «инновационно-регулярной») – это «механизм регулярного совершенствования экономической науки, построенный на систематических и постоянных «фундаментальных» и «улучшающих» инновациях» [12]. И *кризисно-методическую*, представляющую собой радикальное изменение отдельных теоретических конструкций (когда ситуация динамично изменяется по мере развития познания). Это не упадок, не конец или смерть всей экономической теории, потому что экономическое знание не исчезает, а переходит в другое качество. Другая форма – своеобразное «чистилище», где хирургическим путем (то есть болезненно, но быстро) происходит излечение «больной» части системы. Это закономерный процесс существенного обновления продуктивного знания:

1) которое продолжительные годы не поддавалось «терапевтическому лечению» или момент развития которого осознанно отодвигали;

2) потому что реализуется путем снятия запретов на другое мнение, обновления каналов обмена информацией и т. д.;

3) когда накапливаются факты, противоречащие существующей отдельной теоретической конструкции, и выстраиваются в альтернативную, конкурентную в отношении нее, гипотезу (изменить традиционное знание невозможно, указав лишь на свойственные ему недостатки и несоответствия, необходимо предложить альтернативу).

Это скорее кризис методики обновления экономико-теоретических идей, их переосмысления.

В экономической науке, в том числе в современной, был и всегда будет кризис методики обновления отдельных экономических течений, концепций, моделей. Он имеет конструктивный потенциал – очищает систему от малореалистичного, малопрофессионального знания, сосредотачивает на перспективе, формирует инновационные сигналы и предпосылки продуцирования нового, обязывает теоретиков приспосабливаться к существующему порядку в интеллектуальном пространстве. Например, в период между двумя мировыми войнами институционализм был фактически господствующей школой американской экономической мысли. Пренебрегая задачей по разработке собственной основополагающей теории и ограничившись описательным «реализмом», он уступил место неоклассическому формализму. И даже такая ошибка преимущественно методологического и эпистемологического характера не стала основанием для того, чтобы «похоронить» это научное течение. И уже в середине 1970-х годов, благодаря развитию методологии и методов самой экономической науки и переосмысления на этой основе многих традиционных экономических проблем, применение таких новых методов в отраслях права, социологии, политоло-

гии, экономической истории, международных отношений приобретает «взрывной» характер развития новой институциональной экономической теории. Ныне в активе неoinституционализма – Нобелевские премии классиков обновленного направления Р. Коуза и Д. Норта. Несомненно, добавили ему авторитета и отмеченные наградой в этом году Э. Остр и О. Уильямсон.

Осмысление фундаментального механизма накопления знания позволяет прояснить противоречия и обогатить наше понимание сложного процесса появления кризиса методологии обновления отдельных экономических течений, концепций, моделей. Путем снятия противоречий: а) между темпами изменений в содержании экономических процессов и темпами изменений теоретических установок (основного источника таких кризисов) и б) между целостностью экономической теории и ее дифференциацией по отдельным направлениям и программам исследования – формируется основание для появления инноваций, перспектив. Идеи, основывающиеся на научном системном исследовании состояния противоречий экономического знания, являются чуть ли не наиболее востребованными жизнью.

В то же время утверждения, подобные высказыванию М. Руденко, ведут к искажению представлений о теоретико-методологических процессах, происходящих в экономической науке. Чем же тогда экономическая наука будет привлекать молодежь и впечатлять общество? Более того, далекие от объективности критико-экспертные оценки состояния экономической науки неоправданно омрачают ее настоящие достижения.

Анализ значительного количества монографий и научных статей, опубликованных в течение последних почти двадцать лет, свидетельствует, что ученые разных стран и научных школ сумели предложить обществу целый ряд интеллектуальных новаций. Большинство из них имеет немаловажную научную ценность и практическую пользу. На этом фоне особенно показательными являются результаты новаторских исследований экономистов – лауреатов Нобелевской премии. Начиная с 1969 г. – первого года ознаменования важнейших экономических достижений, почетную награду получили 64 номинанта. Всесторонняя независимая оценка научного достояния и выбор ежегодных нобелиантов – уникальное событие, имеющее чрезвычайное влияние как на развитие экономической теории, так и на формирование экономической практики. В современном спектре всех научных знаков отличия (не только экономических) Нобелевская премия занимает наивысшую позицию, закрепляя новую реальность в интеллектуальном мире.

Если непредвзятый подход нобелевских институтов к определению наилучшего экономического достижения ученых почти не подвергают сомнению, то мысли об «отрыве экономической науки от практики», о том, что экономике катастрофически не хватает «собственного предмета исследований», что «большинство экономических теорий не могут объяснить ничего реально существующего», что «глубокая экономическая наука отры-

вает нас от реальности, а следовательно, и от истины», продолжают появляться в специальной литературе [13]. В такой ситуации не каждый экономист определит, какое направление способствует обновлению теории и в чем заключается его прогрессивность. Наверное, поэтому и звучат сетования, что, мол, «размах талантов и деятельности известных экономистов со временем постепенно угасает и сейчас, можно сказать, практически сошел на нет» [14].

Так ли уже безнадежна ситуация? Нет, конечно. Ведь есть таланты, которые привели общество к технотронной эре и формируют экономику динамических знаний! Однако о том, чем они пополнили интеллектуальный потенциал общества, широким слоям известно мало. Слабая информированность и непонимание теоретических положений в контексте глобализационных процессов порождают популистские обвинения (на примере цитированного М. Руденко).

Относительно «отрыва экономической науки от практики». Пожалуй, наилучший способ отрицать такие мысли – привести примеры экономических теорий, которые в нынешних реалиях доказывают противоположное. Таких фактов много. В частности, экономическая политика Швеции опирается на теоретическую концепцию, близкую к кейнсианской, основы которой были заложены еще в начале XX века. Восхождение к «социальному благополучию» началось в 1920–1930-х гг. и, особенно активно, после Великой депрессии. Именно тогда восемь шведских исследователей (К. Виксель, Г. Кассель, Д. Давидсон, к которым присоединились молодые ученые Г. Мюрдаль, Б. Улин, Е. Лундберг, Е. Линдаль, Д. Хаммаршельд) опубликовали ряд работ, основные положения которых, во-первых, предусматривали главные выводы, сделанные независимо от Дж. Кейнса, о роли государства в экономике и о необходимости поддержки высокого уровня занятости как залога быстрого развития страны, а во-вторых, способствовали созданию фундаментальной концепции экономической политики. Характерно, что упомянутые молодые исследователи, теоретические разработки которых со временем назвали шведской школой макроэкономики, в 1937–1939 гг. оставили академическую науку и занялись реализацией своих разработок на практике. Они вошли в состав правительства, возглавили политические партии, профсоюзы, ведущие исследовательские институты. Интересно, что Д. Хаммаршельд со временем стал Генеральным секретарем ООН, а Г. Мюрдаль, которого считают основателем школы, и Б. Улин – лауреатами Нобелевской премии по экономике.

Уже нет в живых ни Д. Хаммаршельда, ни Б. Улина, ни Г. Мюрдаля, однако и до сих пор главные положения созданной ими концепции активного взаимодействия экономики и социальной сферы реализуют на практике. В 1950–1970-х гг. Швеция стала лидером научно-технической революции в Европе, демонстрируя наивысший уровень жизни и образования населения, его полную занятость и наименьшие разрывы в доходах семей. Даже экономический кризис, охвативший страну в начале 1990-х гг., довольно

быстро был укрощен. И сейчас правительство Швеции, по сравнению с правительством США, берет на себя гораздо большую ответственность за содействие общественному благополучию: обеспечивает высокий уровень здравоохранения, страхования от безработицы, пенсии по возрасту. По удельному весу социальных затрат в ВВП страна вышла на первое место в мире. В течение многих лет Швеция возглавляет мировые рейтинги по индексу человеческого развития.

Еще один аргумент для отрицания тезиса, что «глубокая экономическая наука отводит нас от реальности», – реализация известной теории оптимальных валютных зон, предложенной в начале 1960-х годов американским экономистом Р. Манделлом. Согласно этой теории, если степень интеграции страны в мировую систему финансовых соглашений, движения факторов производства и товарных потоков высока, то фиксированный валютный курс – более эффективное средство достижения внутреннего и внешнего баланса по сравнению с плавающим курсом. Нескольким таким государствам становится выгодно внедрять единую валюту. Именно благодаря своим новаторским трудам ученый создал интеллектуальный базис для общей европейской валюты. Его вывод о том, что более одной страны могут получить выгоду от использования общей валюты, вдохновил правительства европейских государств на создание евро. Вначале 11 стран вступили в такое объединение, а потом все 10 новых членов ЕС, вошедших в него в мае 2004 г. (Словения, Чехия, Польша, Венгрия, Эстония, Словакия, Хорватия, Латвия, Румыния, Болгария), сразу высказали желание присоединиться к Европейскому монетарному союзу. Кстати, Словения уже с 1 января 2007 г. перешла на евро, а Словакия сделала это 1 января 2009 г.

Актуальность теории оптимальных валютных зон явно доказывают Саудовская Аравия, Кувейт, Катар и Бахрейн, подписав 7 июня 2009 г. соглашение о создании валютного союза. Рабочее название валюты – халиджи, а предварительный срок ее введения – 2010 г. Кроме того, Китай, Южная Корея и Япония ведут переговоры о единой валюте в Азиатско-Тихоокеанском регионе, которую, вероятно, назовут акю. Срок ее введения будет зависеть главным образом от Китая, поскольку темпы экономического развития КНР в ближайшее время спрогнозировать довольно сложно. Да и фиаско уклада плавающего валютного курса 1974–1985 гг. лишь подчеркнуло важность теоретической конструкции, предложенной Р. Манделлом, за которую он получил в 1999 г. Нобелевскую премию.

Многочисленные примеры важности достояния известных экономистов можно продолжать. Однако интеллектуальные достижения, как приведенные выше, так и освещенные в средствах массовой информации, свидетельствуют: основой авторитета Нобелевской премии является принцип, согласно которому ее присуждают за реальные научные заслуги. Преимущественно все нобелианты (хотя некоторые считают себя чистыми теоретиками) представили рекомендации для их широкого использования в различных сферах хозяйствования. Анализ многих монографий и новаторских

статей демонстрирует, что в течение нескольких последних десятилетий в экономической науке, несмотря на существующие обоснованные различия между учеными по многим принципиальным вопросам, все же произошел кардинальный сдвиг теоретической трансформации, который проявился по таким фундаментальным направлениям:

1. *Повышение роли и улучшение качества человека как капитала и как субъекта творческой деятельности.* Существенный вклад в решение вопросов научно-концептуального характера, связанных с углублением понимания сущности человеческого развития и закономерностей его качественного состояния, осуществил австрийский нобелиант 1974 г. Фридрих фон Хайек. На основе результатов его исследований произошел современный исторический поворот от надежд на организационные системы к надеждам на свободного, творческого и самостоятельного индивидуума, к образованию Института Человека, о котором сейчас так много пишут. Со временем факторный анализ основных источников материального накопления возвел ученых на новый уровень видения места и значения человека в экономическом мире. Экономическая мысль, эволюционируя, подошла к рассмотрению понятия «человеческий капитал». Это способствовало появлению и распространению теории человеческого капитала, разработчиками которой стали американские исследователи Теодор Шульц и Гарри Беккер. Важные результаты получены благодаря экономической психологии (Д. Канеман, А. Тверски) и моделированию ограниченной рациональности (Г. Саймон). Они точнее отображают реальность, обогащают нас фактами о поведении индивидуумов, что не только воссоздает объемную картину экономического поведения, но и способствует развитию экономической теории. С учетом этого, происходит концептуальное переосмысление тенденций развития мирового содружества, что проявляется в виде смещения акцентов с темпов экономического роста и прогрессирования материального производства на социальное «производство», гуманизацию общества, внедрение человеческих измерений в определении результативности экономических процессов. Темпы прогресса в отрасли развития человеческого потенциала в XX веке не имеют precedентов.

2. *Развитие рыночных механизмов экономической организации.* В течение продолжительного времени в науке доминировали представления об упрощенной конструкции рынка. Теория и экономическая практика формировались вокруг общей модели рыночной экономики Л. Вальраса, который считал, что в каждый данный момент в обществе существует единый рынок с единой системой цен (независимо от того, существует равновесие или нет), одинаковой для всех экономических клиентов. Французский нобелиант 1988 г. Морис Алле предложил другую модель – систему рынков для разных товаров, причем один и тот же товар может продаваться и покупаться на разных рынках. В ней нет единого набора цен, акты рыночного обмена осуществляются не все сразу, а происходят непрерывно. Ученый обосновал множественность рынков и большое количество систем цен как отражение реального изменения к экономическому оптимуму. А предло-

женные Р. Коузом новаторские положения о трансакционных затратах и имущественных правах стали ведущей методологией в формировании и развитии рыночной системы хозяйствования. Развивая и дополняя исследования друг друга, известные экономисты – нобелевские лауреаты М. Фридман, Дж. Стиглер, Дж. Акерлоф, М. Спенс, Дж. Стиглиц, по сути, сформировали современное мнение о рыночной системе как о целостной сложной открытой мировой экономической системе. Она кардинально изменяет традиционное миропонимание (с ее идеями линейности, абсолютизации объективного над субъективным, неизменностью традиций) на новый подход с такими понятиями, как эволюция, нелинейность, вероятность, неопределенность. Нобелианты создали новую терминологию, описанный и дополненный ими рыночный механизм уже введен в различных сферах хозяйства. Фактически одной из определяющих черт цивилизационного экономического развития является доминирование рыночных основ, рыночной парадигмы, рыночных отношений, что проявляется в функционировании совокупности международных рынков: товаров и услуг, идей и институтов, инвестиций и технологий, рабочей силы, валютных и финансовых ресурсов и т. д.

3. *Обогащение инструментария прикладного анализа в экономической теории.* Его перечень пополнен такими новациями нобелиантов:

а) *контрфактические модели*, которые составляют основу клиометрии, с помощью которых изучают траектории экономических процессов прошлого для оценки сегодняшнего и прогнозирования будущего. Если основным инструментом, с помощью которого экономисты познавали мир, был метод регрессии, или сравнительный метод (ставится вопрос о том, как на самом деле изменялись результаты под влиянием изменений в исходных или экзогенных условиях), то разработанная Р. Фогелем и Д. Нортон модельная имитация ставит вопрос о том, как результаты могли бы изменяться;

б) *контролируемый эксперимент*, предложенный В. Смитом, является наиболее очевидной формой измерений, предназначенных для установления научных фактов (ставится вопрос о том, как могут изменяться результаты);

в) *«равновесие Неша»* – гибкий метод анализа разных конкретных проблем и ситуаций на рынках, которым дополнена теория игр, – привнес в экономику, безусловно, мощный математический инструментарий, революционное значение которого заключается в том, что он освободил экономистов от исключительной зависимости от формального математического аппарата физики;

г) *распределение Ховельмо* – трудоемкий, хотя и впечатляющий, способ выдачи модели ее «верительных грамот», то есть оценка экономических моделей путем проверки их конгруэнтности избранным данным, системе измерений и информации, заключающейся в конкурентных моделях;

д) *ARIMA-анализ временных рядов*. Это разработанная К. Гренджером и Р. Энглом методология, являющаяся сравнительно новым поколением средств прогнозирования, основанных на анализе вероятных (стохастических) свойств временных рядов.

4. *Формализация экономических исследований*. Именно математический подход позволил превратить этический постулат в математическую аксиому, обосновать полноту и непротиворечивость системы принципов справедливости. Во второй половине XX в. ученые более активно вели поиск механизмов справедливого распределения результатов, полученных благодаря кооперации между участниками общества. Определены два главных направления: новорожденная теория коллективного выбора, сформированная на предложенном К. Эрроу анализе коллективного выбора и индивидуальных оценок, и теория игр, которую развили нобелианты Дж. Харшани, Р. Селтен, Р. Ауманн, Т. Шеллинг. Благодаря им общество может найти ответы, например, на вопрос: что выбирать, если варианты несовместимы? Как поступить в ситуации выбора между равенством и эффективностью? Как учесть интересы группы, отделившейся от общества? Как защитить принятие коллективных решений от манипулирования? Американские экономисты Л. Гурвич, Э. Маскин и Р. Майерсон предложили научную методику формирования оптимальных механизмов для эффективного распределения существующих преимуществ, произведенных благ, ресурсов, затрат на создание нераздельного продукта, недопущение манипулирования механизмами принятия общественных решений, за что и были отмечены в 2007 г. Нобелевской премией.

Этот перечень основных достижений экономической мысли, естественно, нельзя считать ни исчерпывающим, ни детализированным. Однако важно выделить главное: осмысление приведенных ключевых позиций позволяет адекватно представить целостное представление проблемного поля современной экономической науки и высказать решительное несогласие с утверждениями, что экономическая теория якобы находится в кризисном состоянии. Подобные мысли, вероятнее всего, порождены ошибочным пониманием того, что можно и чего нельзя ожидать от этой отрасли знаний.

Подытоживая, отметим, что еще со времен древнего мира, то есть от появления первых государств, регулярно предпринимаются попытки систематизировать экономические взгляды (суждения) по экономической теории, которую общество считало бы действенной в области хозяйственной политики. При этом по мере осуществления изменений в экономике, науке, технике, информационно-коммуникационных технологий, культуре должна бы постоянно обновляться и совершенствоваться и экономическая теория. Тем более по нынешним кардинальным сдвигам мировой экономической системы, когда не срабатывает традиционная экономическая теория. Фундаментальные трансформации, как никогда, требуют концептуального реагирования.

Всевозрастающее накопление значительного арсенала экономических знаний, которое безудержно усложняется, формирует чрезвычайно разрозненный и несистематизированный его массив. С одной стороны, это делает его еще менее доступным для понимания неспециалистов. Происходят настолько быстрые и системные изменения, что за ними не успевает процесс их осознания (иногда непонятливость, туманность теоретических схем даже пугает). С другой – с каждым годом становится не только все труднее исследовать его специалистам, но и, что наиболее важно, выбирать из него то практическое, что крайне необходимо для налаживания механизма оптимального функционирования мировой экономики, создания технологии ее трансформации в соответствии с интересами и потребностями человека.

При условии, когда глобализационные процессы приобрели невиданный темп развития и интенсивности, назрела острая потребность заложить интеллектуальное основание новой стратегии развития общества на основе знаний. Развиваться оно должно на базе не столько резкого роста масштабов производства, сколько скорости распространения научных знаний и новейших технологий. В таком мире на порядок возрастает конкуренция в разных ее формах. Однако создание конкурентных преимуществ становится возможным через формирование экономики динамических знаний.

Мир продолжает чрезвычайно интенсивно насыщаться знаниями и усложняться. Современная наука превратилась в наиболее мощную производственную силу, а фундаментальные знания составляют основу инноваций. Если экономику динамических знаний рассматривать с прикладных, практических позиций, то возникает ряд актуальных вопросов, а именно: *какие* новаторские экономические знания избрать для интенсивного наращивания такой экономики, *каков критерий* их отбора (ведь, обычно, то, что на определенном этапе социально-экономического развития было прогрессивным, со временем начинает деградировать), *как интеллектуализировать* образование и придать ему опережающий характер, *являющийся мериллом* оценки прогресса экономической науки?

Положить начало Нобелевской премии по экономике не было пожеланием Альфреда Нобеля (как это с 1901 года благодаря ему сделано для пяти отраслей научной и общественной деятельности). Наиболее вероятно, что это был своеобразный эксперимент, инициатива группы шведских ученых и банкиров, которые отталкивались от условий завещания известного мецената. Продолжительный период четкой реализации нобелевского эксперимента в отрасли экономики – целых 40 лет – свидетельство его успешности. За это время накоплен масштабный объем информации, заключающийся в новаторских трудах нобелиантов. Исходя из понимания природы экономического объяснения, мы попытались исследовать этот ценный интеллектуальный массив. Эта довольно тонкая и сложная теоретическая материя является надежной базой для проведения чисто логического анализа, выявления объективных закономерностей в развитии экономической

теории, выработки практических рекомендаций, выдвижения научных гипотез. Фактически за последнюю треть XX века мы получили новую отрасль экономической науки, которую условно можно назвать экономической нобелологией.

На основе этого теоретического вывода целесообразно высказать два практических предложения. В условиях, когда глобализационные процессы обретают невиданное развитие, стало очевидным, что образование вообще и высшая школа в частности не успевают в своем содержательном плане за быстро изменяющимися процессами, потребностями интеллектуального обеспечения развития общества на основе динамических знаний и высокоэффективных технологий. Недостаток высшего образования во многих государствах мира, и в Украине в частности, – в удаленности образования от науки. Согласно утверждению президента Академии наук высшей школы Украины М. Дробнохода, «сегодня свыше 60 процентов украинских вузов... вообще не ведут научных исследований» [15]. Хотя практика отдельных университетов, прежде всего тех, которые воспитали лауреатов Нобелевской премии, свидетельствует о том, что наука должна создаваться и в высших учебных заведениях.

Своеобразным компасом в мире науки стала Нобелевская премия по экономике. На фоне новых и современных направлений, сфер и методов рождающихся исследований, она довольно четко определяет, какие из них являются базовыми. Разработанные концепции, предложенные нобелиантами идеи, – это как картограмма достижений экономической науки, важное основание для совершенствования способов аргументации экономистов (поэтому и необходим постоянный анализ и критическое его переосмысление). Пласт новаторских экономических знаний, предложенный экономистами-нобелиантами мировому сообществу, продолжает увеличиваться. Как его использовать и оперативно доносить до широкого общества?

Необходимой сегодня становится проблема профессионального и доходчивого трактования новых знаний, их распространения в обществе и, чуть ли не важнейшей, – привлечение средств в систему высшего образования. Ведь в Украине и в некоторых других странах даже на данном этапе имеем неспособность действующих программ, учебников и учебных пособий отображать радикальные изменения в реальной экономической жизни страны. Большинство из них характеризуется разительным сходством как для бакалаврского и магистерского курсов, так и для аспирантуры. Сложившуюся ситуацию невозможно исправить путем косметических правок программ и учебников по истории экономических учений, экономической теории или политической экономии.

Крайне необходимо разделять учебный материал между бакалавратом, магистратурой и аспирантурой. Например, курс экономической теории в магистратуре должен продолжать бакалаврский курс, опираться на него как на заложенную базу. В то же время аспирантский курс должен разли-

чатся по содержанию, пользоваться инструментарием новых экономических идей и достижений. Учитывая это, в основе механизма постоянного обновления учебных программ могло бы быть введение в вузах изучения нового фундаментального курса экономической теории – «Экономическая нобелелогия» [16].

Введение курса «Экономическая нобелелогия» призвано обеспечить:

- преодоление исторической ограниченности знаний, запоздания в освоении и преподавании новых знаний, особенно междисциплинарного характера. Нобелелогия интересует, под влиянием каких условий изменяются взгляды на экономическую действительность, как эволюционирует трактовка базовых категорий, совершенствуются методы экономических исследований. Она помогает понять общую направленность развития экономической науки, трансформацию ее генеральных направлений, взаимосвязь с экономической политикой и практикой;
- стимулирование у студентов восприимчивости к нововведениям, инициативного участия в научно-исследовательском творчестве. Нобелелогия – реальный путь к возрождению в молодежи интереса к научной работе;
- создание диверсифицированной системы учебных программ в экономических вузах, которая предусматривала бы различный объем курса «Экономическая нобелелогия» для бакалаврата, магистратуры и аспирантуры;
- качественно новый уровень переподготовки и повышения квалификации преподавательских кадров, поскольку в современном мире любой накопленный уровень знаний быстро начинает отставать от потребностей интеллектуальной среды. Например, в странах с социально ориентированной экономикой постоянно увеличивается продолжительность обучения взрослого населения. Так, за последнюю четверть XX века в Италии она возросла с 5,5 до 13,5 лет; в Японии – с 9,2 до 16,1; во Франции – с 9,8 до 17,2 года. То есть формирование экономики динамических знаний требует опережающего развития образовательной сферы, в частности профессиональной. А необходимость постоянно совершенствовать свои знания выводит преподавателей в новое образовательное пространство.

Изменения в технологии высшего экономического образования – это ответ на определенный социальный запрос, предпосылка утверждения новой идеологии подготовки экономистов, переподготовки преподавательского состава, реализации идей Болонской декларации. Это первое.

И второе – динамичность и многоплановость социально-экономических изменений вынуждают исследователей пересматривать немало до

недавних пор актуальных теоретических положений. Поэтому имеет значение не столько то, от каких несостоятельных концепций или доктрин отказываются ученые, а то, с какой парадигмой они предлагают двигаться в будущее, за счет каких подходов системно и последовательно адаптироваться в мировое экономическое пространство.

В процессе проникновения научных исследований в глубинную сущность нашей действительности теоретическое знание функционирует как сложная система взаимодействий различных направлений экономической науки и ее внешних связей с другими научными отраслями. Известно, что в процессе развития науки возникают радикальные изменения парадигмы, схем познавательной деятельности, которые олицетворяют прогрессивную систему идеалов и норм исследования [17]. Проблемные ситуации, возникающие на пути бесконечного процесса познания, постоянно усложняются, охватывают все больше явлений действительности, многие из которых требуют междисциплинарных исследований. При этом формируется новая трансдисциплинарная теория, возможно, и научная отрасль, и бесконечно повторяется итерационный процесс (от одних дисциплин – путем междисциплинарного исследования – к новым дисциплинам с новым предметом исследования) в направлении приближения к целостной общенаучной картине мира.

Многие фундаментальные экономические проблемы невозможно понять, применяя методы какой-либо одной дисциплины, они требуют разноотраслевых знаний. Для преодоления таких проблем необходим междисциплинарный подход. Элементарная синхронизация научных исследований дала бы ощутимый синергетический эффект. Суть ее заключается в мониторинге и системном анализе интегрального состояния предметных отраслей. Этот подход актуален для экономической теории, которая, осуществив качественный прорыв в 1960-х годах, находится на очередной стадии накопления энергии для перехода на следующий виток спирали развития. На ее фундаментальной основе разные научные направления и концепции используют разнообразные условные понятия, методологию, типы абстракций, а следовательно, разные языки передачи знаний. Установление взаимосвязей между этими языками – один из путей развития междисциплинарного взаимодействия.

Сегодня уже недостаточно констатации того лишь факта, что «экономическая теория не является единой, она не рассматривает экономику в развитии и во взаимосвязи ее основных аспектов и проблем» [18]. Новые социально-экономические условия порождают необходимость обновления системной композиции современной экономической теории. Одним из элементов этого процесса могло бы быть использование экономической нобелелогии как базовой гипотезы. Это способствовало бы преодолению разобщенности научных направлений и дисциплин, а следовательно, активизировало бы координированность деятельности научных учреждений, их тематики. Обращение к трудам лауреатов Нобелевской премии динамизи-

рует развитие экономической теории путем обмена парадигматичными установками, понятиями и методами различных наук, являющихся отражением сущности междисциплинарной проблемы.

Ученые прошли долгий и тернистый путь, чтобы понять, что Вселенная бесконечна. Именно эта ее черта стимулирует потребность в постоянном познании. Так может ли быть целесообразной категоричность утверждения об успехе или неуспехе экономической науки?! Познание (или интеллектуальная погоня за новыми идеями, расширяющими горизонты нашего понимания мира) должно продолжаться.

Литература

1. Баумоль У. Чего не знал Альфред Маршалл: вклад XX столетия в экономическую теорию // Вопросы экономики. – 2001. – № 2. – С. 104.
2. Хайлбронер Роберт Л. Экономическая теория как универсальная наука // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. – 1993. – Т. 1. – Вып. 1. – С. 53.
3. Балацкий Е. В. Мировая экономическая наука на современном этапе: кризис или прорыв? // Науковедение. – 2001. – № 2. – С. 25–45.
4. Лоусон Т. Современная «экономическая теория» в свете реализма // Вопросы экономики. – 2006. – № 2. – С. 98.
5. История экономических учений: (современный этап): Учебник / Под общ. ред. А. Г. Худокормова. – М.: ИНФРА-М, 1999. – С. 689.
6. Див.: Heilbroner, Robert and William Milberg. The Crisis of Vision in Modern Economic Thought // Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
7. Полтерович В. М. Кризис экономической теории // Экономическая наука современной России. – 1998. – № 1. – С. 47.
8. Там же. – С. 49.
9. Ходжсон Джеффри. Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории / Пер. с англ. – М.: Дело, 2003. – С. 19.
10. Руденко Микола. Глобалізація і Україна // Дзеркало тижня. – 2002. – 13 липня. – С. 10.
11. Экономическая теория: вопросы методологии исследования и методика преподавания // Вестник Московского университета. – Серия 6. Экономика. – 2006. – 6. – С. 80.

12. Худокормов А. Современная экономическая теория Запада (обзор основных тенденций) // Вопросы экономики. – 2008. – № 6. – С. 23.
13. Див.: Балацкий Е. В. Мировая экономическая наука на современном этапе: кризис или прорыв? // Науковедение. – 2001. – № 2.
14. Там же.
15. Стріха М. Куди прямує університетська наука? // Дзеркало тижня. – 2006. – 25 березня. – С. 13.
16. У цьому зв'язку вже побачив світ наповнений науковим доробком нобеліантів навчальний посібник Довбенка М. В. «Сучасна економічна теорія (Економічна нобелелогія): – К.: Видавничий центр «Академія», 2005. – 336 с. (Альма-матер) та монографія Довбенка М. В. «Криза економіки – не криза науки». – К.: ВЦ «Академія», 2009. – 304 с.
17. Див.: Кун Т. Структура научных революций / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1977. – 300 с.
18. Ольсевич Ю. Я. О психогенетических и психосоциальных основах экономического поведения // Вестник Московского университета. – Сер. 6. Экономика. 2008. – № 1. – С. 6.

Статья поступила в редакцию 3 декабря 2009 г.